

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-296-306>

Шифр научной специальности 5.9.3

Синестезия в ранней лирике В.В. Набокова. Постановка проблемы

Алексей Юрьевич Овчаренко , Стефания Антоновна Конькова

ФГАОУ «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 ovcharenko_ayu@pfur.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Выявлены ключевые синестетические концепты в ранней поэзии В. Набокова, а также их роль в создании художественного образа. Целью исследования стало выявление ключевых синестетических концептов в ранней поэзии В. Набокова, чтобы понять их роль в создании художественного образа сборника и в дальнейшем месте в творчестве автора. Феномен синестезии привлекает значительное внимание исследователей в различных областях гуманитарного знания. В литературе данный приём используется для усиления образности текста за счёт комбинирования различных сенсорных восприятий. Поэтическое наследие В. Набокова представляет для исследователей ценный корпус текстов для изучения синестетических механизмов, обусловленных авторским мироощущением. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили стихотворения, включённые в дебютный сборник В. Набокова «Стихи» (1916). Анализ проводился с опорой на семантический и концептуальный методы, а также посредством интерпретации авторских синестетических метафор. Выявлено, что в поэтическом дискурсе В. Набокова наблюдаются устойчивые цветовые концепты «бледный», «лиловый», «лазурный» и «красный», обладающие не только визуальной, но и символической значимостью. Концепт «бледный» ассоциируется с мотивами увядания и потерь, «лиловый» – с переходными состояниями и ностальгией, «лазурный» – с мечтательностью и небесной гармонией, а «красный» – с ощущением боли и эмоционального напряжения. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Результаты исследования свидетельствуют о том, что взаимодействие указанных концептов формирует сложную систему синестетических образов, существенно обогащающую эмоциональное восприятие текста. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Полученные данные открывают перспективы для дальнейшего изучения механизмов синестезии не только в поэтическом, но и в прозаическом наследии В. Набокова.

Ключевые слова: синестезия, метафора, образ, концепт, поэзия, мироощущение, В. Набоков

Финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Вклад авторов: А.Ю. Овчаренко – поиск и анализ научной литературы, обработка и редактирование материала, утверждение окончательного варианта рукописи. С.А. Конькова – общая концепция статьи, поиск научной литературы, обобщение опыта исследователей, анализ полученных результатов, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Овчаренко А.Ю., Конькова С.А. Синестезия в ранней лирике В.В. Набокова. Постановка проблемы // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 296-306. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-296-306>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-296-306>

OECD 6.02; ASJC 1208

Synesthesia in the early lyrics of V.V. Nabokov. Problem statement

Alexey Yu. Ovtcharenko , Stefania A. Konkova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation

 ovcharenko_ayu@pfur.ru

Abstract

INTRODUCTION. The key synesthetic concepts in V. Nabokov's early poetry are revealed, as well as their role in creating an artistic image. The purpose of the study is to identify key synesthetic concepts in V. Nabokov's early poetry in order to understand their role in creating the artistic image of the collection and further their place in the work of the author's entire work. The phenomenon of synesthesia attracts considerable attention from researchers in various humanitarian knowledge fields. In the literature, this technique is used to enhance the imagery of a text by combining various sensory perceptions. V. Nabokov's poetic legacy provides researchers with a valuable body of texts for studying synesthetic mechanisms determined by the author's worldview. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the poems included in V. Nabokov's debut collection "Poems" (1916). The analysis is carried out based on semantic and conceptual methods, as well as through the interpretation of the author's synesthetic metaphors. It is revealed that in V. Nabokov's poetic discourse there are stable color concepts "pale", "purple", "azure" and "bloody", which have not only visual, but also symbolic significance. The concept of "pale" is associated with the motifs of withering and loss, "purple" – with transitional states and nostalgia, "azure" – with reverie and heavenly harmony, and "bloody" – with a feeling of pain and emotional tension. **RESULTS AND DISCUSSION.** The results of the study indicate that the interaction of these concepts forms a complex system of synesthetic images that significantly enriches the emotional perception of the text. **CONCLUSION.** The data obtained open prospects for further study of the mechanisms of synesthesia not only in the poetic, but also in the prose legacy of V. Nabokov.

Keywords: synesthesia, metaphor, image, poetry, attitude, Nabokov, concept

Funding. No funding was reported for this research.

Author's Contribution: A.Yu. Ovtcharenko – scientific literature search and analysis, material processing and editing, approval of article's final version. S.A. Konkova – research concept, scientific literature search, generalization of researchers' experience, acquired results analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ovtcharenko, A.Yu., & Konkova, S.A. Synesthesia in the early lyrics of V.V. Nabokov. Problem statement. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):296-306. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-296-306>

ВВЕДЕНИЕ

Научный интерес к феномену синестезии не ослабевает с XIX века. Созданы различные сообщества, изучающие этот феномен с эксплицитной точки зрения¹, но, всё же, единой трактовки понятия синестезии в академическом дискурсе до сих пор не существует [1, с. 144-148], как остаётся и нерешённой проблема выработки адекватной методологии анализа подобных синтетических феноменов² [3; 4, с. 198-227]. И для цветообозначений [2], образующих, по мнению Р.М. Фрумкиной, особую категорию, сходную с категориями терминов родства, «создались свои традиции: собственно лингвистическая, с одной стороны, психологическая и культурно-антропологическая – с другой» [5, с. 4].

Согласно авторитетным философским словарям – Г. Шмидта³ и В.Г. Кузнецова⁴, синестезия – факт возникновения при раздражении какого-либо органа чувств, не только соответствующего ему ощущения, но и одновременно ощущения, соответствующего другому органу чувств [6; 7]. К. Бальмонт, говоря о светомузыкальной поэме А. Скрябина «Прометей» (первое исполнение – 1911 г.), указывал на то, что сегодня принято называть «мультиmodalностью», – «Жизнь есть многосложное слитное видение», и «творчески мыслящий и чувствующий художник <...> знает, что звуки светят, а краски поют, и запахи влюбляют, а слова разбивают горы и пререзают материки»⁵. Позже об этом писала и М. Цветаева, призывая к этой же полноте восприятия: «Не любите красок – глазами, звуков – ушами, губ – губами, любите

всё душой»⁶. Литературоведы относят приём синестезии к тропам, называя его «синестетической метафорой», поскольку в его основе лежит перенос значения [8]. Как подчёркивает Б.М. Галеев, «само понятие «Серебряный век» тоже очень близко к синестезии...»⁷: ведь именно в Серебряном веке о синестезии заговорили в полную силу⁸.

В современной гуманитаристике синестезия [9] понимается уже как мультимодальное явление, проникновение одного вида искусства в семиосферу другого. Возможно, что вопросы цветописи и фоносемантики становятся, в таком случае, определяющими и для феномена синестезии в вербальном аспекте [10].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Влияние синестезии на набоковское наследие исследовалось весьма продуктивно, в большей степени – на прозу [11–14] и критические работы [15], несколько в меньшей степени⁹ – на лирику [16]. Но нас интересуют первые поэтические опыты В. Набокова и его дебютная книга стихов, которой и посвящена наша статья.

Сам В. Набоков в книге «Другие берега» (1954) подробно писал о своем соприкосновении с синестезией, о том, что он «наделён в редкой мере так называемой *auditioncolorée* – цветным слухом»: когда ему шёл седьмой год, он строил замок из разноцветных азбучных кубиков и вскользь заметил матери, что покрашены они неправильно, а затем составил и свою «азбучную радугу»¹⁰.

⁶ Цветаева М.И. Письмо А.В. Бахраху, 25 июля 1923 // Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 573.

⁷ Галеев Б.М. «Буду грешить господом данными чувствами – всеми пятью!» (О синестезии в творчестве Марины Цветаевой) // День и ночь. 1999. № 5-6. С. 224.

⁸ Миллер-Будницкая Р.З. Символика цвета, синестетизм в поэзии на основе лирики А. Блока // Известия Крымского педагогического института. Симферополь: Крымиздат, 1930. С. 133-200.

⁹ Забияко А.А. Синестезия: метаморфозы художественной образности. Благовещенск: АмГУ, 2004. 215 с.

¹⁰ Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. Т. 5. С. 157-158.

¹ Синестезия Набокова. URL: <https://sinestezia-nabokova.tilda.ws> (дата обращения: 22.12.2024).

² Российское синестетическое общество. URL: <http://www.synaesthesia.ru/community.html> (дата обращения: 22.12.2024).

³ Шмидт Г. Философский словарь. Москва: Республика, 2003. С. 406.

⁴ Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. Москва: ИНФРА-М, 2005. С. 505.

⁵ Бальмонт К.Д. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. Москва: Рос. музык. изд-во, 1917. С. 3, 5.

В 1916 г. вышел его дебютный сборник «Стихи»¹¹ тиражом 500 нумерованных экземпляров на личные средства, куда вошло 68 стихотворений о первой любви. Хотя сам автор высказывался об этой работе весьма иронично: «Спешу добавить, что первая эта моя книжечка стихов была исключительно плохая, и никогда бы не следовало её издавать. Её по заслугам немедленно растерзали те немногие рецензенты, которые её заметили»¹², стоит отметить, что именно в этих, юношеских стихах, были заложены ключевые синестезийные лейтмотивы [16], которые появятся в его последующих книгах: это концепты «бледный», «лиловый» [17], «лазурный», «кровавый». Проанализируем эти лейтмотивы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бледный. Чтобы понять истинное значение цветовой игры В. Набокова, обратимся к феномену отсутствия, исчезновения, пропажи цвета. Вся поэзия В. Набокова антропоморфна: вместе с лирическим героем-человеком, который влюбляется, страдает, радостно принимая роль второстепенного героя-созерцателя, на сцену стихотворения выходят элементы пейзажа – небо, деревья, цветы и цвета. В набоковском мире они являются полноправными действующими лицами¹³. Цвет может заболеть, исчезнуть, что воспринимается автором как смерть, неправильная потеря: «Рубины дальнего куста // Одни огнём ласкают взоры; // Повсюду грустные узоры, // Повсюду мёртвые цвета»¹⁴. Однако не стоит думать, что кульминация осени, вихрь её прощальных красок, метко усиленные игрой слов рябин – рубин, и

вихрь мёртвых листьев способны ввести лирического героя в бесцветную грусть и траур. Большинство листьев уже подвержены процессу тления, пигмент исчез, но всё это – вне героя. Бледность, поглощающая мир вокруг, обходит стороной героя – в его душе живёт невидимое остальным счастье: «Пусть будут мёртвые листья, // В моей душе весна цветёт...» (Осенняя песня). Внутренний мир – вот, где живёт правда человека по мысли В. Набокова. Смерть и фальшь – контекстуальные синонимы, что наблюдается далее: «Осенний день, как старая вакханка, // Для смерти полюбил поддельные цвета» (Осенний день...). Очень важно, что подделка – не равно вымысел. В более позднем, а следовательно, зрелом тексте В. Набокова 1938 г. есть обращение – то ли к живой женщине, то ли к лирической героине, то ли к персонажу сновидения: «О, поклянись, что веришь в небылицу, // что будешь только вымыслу верна, // что не запрёшь души своей в темницу...». Вымысел, выдумка, творение жизни – не подделка, а преобразование, словно соединение воедино цветущего весной внутреннего мира и увядающего – внешнего. В результате творческого синтеза получается иное пространство, более реальное, более живое: «Ночные наши бедные владенья, // забор, фонарь, асфальтовую гладь // поставим на туза воображенья, // чтоб целый мир у ночи отыграть. // Не облака, а горные отроги, // костёр в лесу, не лампа у окна. // О, поклянись, что до конца дороги // ты будешь только вымыслу верна...» (Любишь ли то, что редко и мнимо...).

В поэтическом дискурсе В. Набокова противоположностью вымысла, жизни, цвета становится бледность. Это не ясноглазая прозрачность, символизирующая честность и чистоту намерений, это иссякающий, убегающий, пропадающий цвет. В подобном восприятии В. Набоков близок средневековой эстетике, где на символику цвета влиял не только тон, но и яркость: бледный цвет, какой бы он ни был, обладал негативной семантикой. Отцветший, тронутый тленом осенний лист в стихотворении В. Набокова – тоже бледен; мир без вымысла – пуст, без любви – тёмный, неясный: «Бедное сердце до бледного

¹¹ Набоков В.В. Стихи. Петроград: Художественно-графическое заведение Унион, 1916. 58 с.

¹² Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. Т. 5. С. 290-291.

¹³ Bouchet M., Loison-Charles J., Poulin I. (ed.) The Five Senses in Nabokov's Works. London: Palgrave Macmillan Publ., 2020. 367 p.

¹⁴ Набоков В.В. Осенняя песня // Набоков В.В. Стихотворения. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. С. 475. В дальнейшем цитируются стихотворения из этого сборника.

дня, / Кажется, не доживёт» (Бедное сердце до бледного дня). Бледный день – это тот день, когда прежние чувства не будут более ранить сердце лирического героя. В. Набоков показывает, что без прежних чувств, без встречи у «цветного окна» ожидание этого дня то же, что ожидание смерти. Не зря в эпиграфе приведены строки о солдате Ване, которому скрутили ноги и руки. Человек, чьё сердце в отчаянье, напоминает скрученного испытаниями судьбы солдата. Перед глазами пелена боли, полотно невыносимо ярких воспоминаний. Но это же значит, что пока человек жив – есть тона, даже минорные и тяжёлые. Это всё – цветная боль, подобно той, что описывал Томас Манн в «Волшебной горе»: «Отвратительно, господа, никогда я не думал, что может у человека возникнуть такое трижды подлое, гнусное, унижительное чувство, какого на земле вообще не бывает – разве что в аду! И со мной случился обморок – сразу три обморока – зелёный, коричневый и фиолетовый»¹⁵. Бледность же (олицетворение всепоглощающего, не нарушаемого ничем спокойствия либо равнодушия ко всему, даже самому невыносимому) – это небытие, тот бледный день, до которого даже дожить нельзя, ведь его не существует для живых человеческих чувствующих сердец.

Почти омонимическая игра слов «бедный» – «бледный», которую приходилось запоминать гимназистам поколения В. Набокова, показательна: они, словно два крыла одной бабочки, приколотой булавками. Только буква «л» на одном из них – ещё живое, трепещущее пятнышко. Убрать его и крыло станет бедным, мертвенным, утратив все своё богатство жизни. Примечательно, что именно «л» – это буква, которую В. Набоков использует в подавляющем большинстве женских имён: Лолита, Луиза, Розалина, Алиса, Долорес, Мабель, Луцинда, Камель, Виола, Стелла. Слово «л» мистически вобрала в себя некое сакральное знание о том, что представляет из себя женщина.

Таким же тяжёлым для синестетического восприятия В. Набокова представляется образ столицы: «Бледные губы и тусклые

взгляды... // Жутко и больно... Я тихо пройду...». Безумные поцелуи теряют краски, от цветов остаются только мелькания, всполохи: «Цепи огней желтовато-лиловых... // Алая точка, скользящая вдаль...» (Столице). Серый гранит Столицы становится своеобразным ретранслятором бледности, влияя на всё восприятие поэта целиком. В этом особенность синестетического взгляда: одна деталь, один образ может стать линзой, сквозь которую затем человек видит действительность. И бледность, гранит, тление, смерть – одни из ярчайших образов, которые так или иначе обращают пространства, явления или время в своё подобие, окрашивают их в свой бледный цвет. «Нет никого. Как тихо! Зову тебя бледнея...» (Жду на твоём пороге в грядущем грезой рея...) – таков набоковский гимн утраченной надежды.

Лиловый. О частотном концепте «лиловый»¹⁶ существует попытка объяснения на прозаическом материале: «Томный сиреневый звук» обозначает слово «сумерки» – время суток перед заходом солнца или перед рассветом, когда все окрашивается в сиреневый цвет [18, с. 12] и материале на поэтическом [17]. Недаром это время суток приобретает в русской поэзии эпитеты «сиреневый» и «лиловый»¹⁷. В поэтическом дискурсе В. Набокова преобладает эпитет лиловый, что можно связать с особой любовью писателя и поэта к букве «л». В «Весне» лиловый ассоциируется с расцветом жизни, прорвавшейся сквозь «белый», зимний «сон» к весеннему дню. Рассвет приходит вместе с расцветом красок: «Улыбки, воробьи и брызги золотые... // Вся улица блестит и кажется лиловой...» (Весна («Улыбки, воробьи и брызги золотые...»). Кроме того, лиловый передаёт ощущение мгновения, пойманного,

¹⁶ Блатт Б. Любимое слово Набокова – лиловый. Что может рассказать статистика о наших любимых авторах. Москва: Эксмо, 2019. 288 с.

¹⁷ Интересное наблюдение о разнице в восприятии оттенков цвета находим в позднем рассказе А.И. Куприна: «А что касается фиолетового цвета, то этого цвета русский народ совсем не знает и нигде не употребляет. Лиловый он еще понимает по сирени, да и то говорит не сиреневый, а синелевой» (Куприн А.И. Ночная фиалка // Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Правда, 1964. Т. 8. С. 401).

¹⁵ Манн Т. Волшебная гора // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: ГИХЛ, 1959. Т. 3. С. 433.

растянутого в бесконечность. Цвет переходного состояния природы не может иначе. Стихи начинают походить на фотокарточки. Светлый солнечный день, стоящий в горизонте, сложно ценить, потому что он кажется бесконечным. В такие часы наслаждение прекрасным откладывается на неизвестное будущее. Лиловый же, мимолётный цвет вечернего часа, пробуждает внимание, нащёптывает чутким душам о движении, времени, жизни. Потому лишь когда золото дня скрывается в лиловом мраке, либо стройность ночного неба пронзается первыми лиловыми лучами солнца, поэт начинает внимать миру, делает попытки удержать время и его цвет.

«Стрекоз фиалково-узорных // Лиловым взором ловишь ты» (Почти недвижна наша лодка...). Этими строками В. Набоков будто окрашивает своим синестетическим видением знаменитый блоковский «Мгновенный взор из-под платка», и читатель легко угадывает не по глаголам, а по цвету невыразимую, проявившуюся в неуловимом, но вечном мгновении красоту глаз возлюбленной. Отсюда и сравнение с «фиалковыми» стрекозами, чей образ подчеркивает быстроту случившегося. «Лиловый дым над снегом крыши // По небу розовому плыл... // <...> Печали думы, тихо рея // По небу розовой любви, // Исчезли, ветрено бледнея, // Как эти дымные венки», – так мгновенны и «думы», исчезнувшие, словно лиловый дым (Лиловый дым над снегом крыши...). Кроме того, этот же мотив мы встречаем в стихотворении «Летний день», где лиловость «птички» говорит о той же мгновенности: «Кто золото в роще рассыпает изящной, огненной рукой? Лиловая птичка пролетает и звонко шутит над другой...». Её песни мимолётны, быстры, как и движение крыльев или эмоций в сердце героя посреди неподвижного «жарко-голубой» влаги дня. Иной оттенок лилового в другом стихотворении В. Набокова: «Зовут влюблённого гвоздики» (1916). При появлении возлюбленной весь цветочный мир затухает, ведь она тот светоч, чья краса приглушает самые яркие узоры природы. Лиловый здесь проявляется как цвет, предвещающий переход от буйства красок к всепоглощающему чувству, которое затмевает всё

иное: «Поникли бледные гвоздики... // Жасмины тронуты тоской... // И даже солнечные блики // Бессильно блекнут пред тобой...» (Зовут влюблённого гвоздики...).

О более печальной ноте в лиловой симфонии другой ностальгический текст В. Набокова: «В лиловом вереске терялась золотая // Березовых кудрей увядшая краса. // <...> Ты помнишь этот день? С тобою неужели // Мы больше никогда там вместе не пройдем, // Где белые стволы и маленькие ели // В лиловом вереске раскинулись кругом» (Ты помнишь этот день? Природе, умирая). Торжественное золотое и невинное белое «теряются» в лиловом вереске. Печаль о прошедшем счастье не исчезает, герой переживает один и тот же день: попытки заглянуть в прошлое, вопрос, повторенный вначале и в конце – всё это приглушает воспоминание о счастье, погружая героя в вечный закат чувств, в его лиловый, переходный час. Лиловый, символ мгновения, прошлого, перехода – также символ предвосхищения. Всплохи цвета предсказывают чувства, возможную любовь, счастье: «Тебя, тебя одну любить я обещаю // Всю жизнь мою, повсюду и всегда. // Скорбя, блаженствуя, тоскуя, умирая, // Я вечно буду помнить дни, когда // С тобой встречались мы среди лиловой тени // И холода осенних вечеров» (Тебя, тебя одну любить я обещаю). Лирический герой с тихой печалью замечает, что встречи с возлюбленной не были скрашены весной: «Хоть не было луны и запаха сирени // И песни молодой влюблённых соловьёв» (Тебя, тебя одну любить я обещаю). Однако счастье, которое они обрели, стало радостным предвестником грядущего утра, весны чувств, даже если от них в будущем останутся только кроткие знаки «в глазах и яркости ланит». Лиловый – любовь поэта, всполох жизни, времени. В нём можно заметить печаль по прошедшему, томный взгляд в обещания будущего. Этот цвет – неоднозначен, как неоднозначно время между ночью и днём. В нём нет твёрдости, уверенности, но есть впечатлительность самой чуткой камеры, настроенной на поимку важнейших моментов нашего бытия, а значит, есть и аромат. Синестетический взгляд В. Набокова на жизнь не может не

подразумевать аромата для ключевых образов в цветомировоззрении. В лиловом он ощутил отзвук растянутой секунды-дремоты, самой вечности в её самом, казалось бы, незначительном проявлении – цветении гелиотропа: «И мучит аромат, что сладок, как дремота... // Гляди, гелиотроп задумчиво цветёт» (Лунная грёза).

Синий и лазурный у В. Набокова – цвета разные. Обратимся к наиболее частотному образу лазури.

Лазурь/лазурный. «Ты помнишь этот день? Природе, умирая, // Лазурный поцелуй дарили небеса» (Ты помнишь этот день? Природе, умирая...). Лазурь, словно благопожелание, выполненное обещание или уверенный взгляд, которые посылают небеса миру. Лазурь светла, по-небесному тепла. В ней нет отстранённости холодных оттенков. Здесь набоковский дискурс вновь пересекается со Средневековым, где лазурь (и синий цвет) были «тёплыми» цветами. Как подтверждение нашей мысли, мы находим у раннего В. Набокова эти строки: «Ласкаясь к лазури, прозрачно алея, // Стыдился, смеясь, изумительный день» (Ласка). Романтический день тяготел к безобидным ласкам влюблённых, и лазурь, точно радушный, тёплый хозяин, приветствует героев стихотворения, внося покой во всё стихотворение с первых строк. «Вершина траурных лесов // В лазури бледной умирает» (Осенняя песня): здесь мы видим смешение двух знаковых набоковских концептов. С наступлением бледной поздней осени леса оплакивают невозвратное, скрывшееся за ними, поэтому гармонию и тепло теряют небеса. «Плавно растут и сверкают, и тают // Белые замки в лазурной стране». Белый замок – это замок воздушный, вымышленный, из той лазурной страны, где лирический герой одного из предыдущих стихотворений заклинал остаться героиню. Таким образом, именно лазурь становится символом вымысла, жизни и счастья, недоступного человеку, но угадываемого им – стоит только взглянуть на небо. «Красота! Красота! В ней таинственно слиты // Беспредельность надежд и воздушность лучей <...> // Я люблю красоту, как манящую тайну; <...> // Я пройду, где мгновенье бессмертья

коснётся... // От лазури ночной отделится звезда. // Доплывёт до лазури и с нею сольётся // Неоконченный сон и грехов красота» (Красота! Красота! В ней таинственно слиты). Звезда – метафора чаяний и надежд души, ищущей красоты в мире. Метафизические размышления В. Набокова сопровождаются образом «лазури ночной». В противовес дневному, ночной оттенок символа представляет собой некое пространство для мечты, где возможно всё: даже греховная красота становится шагом к поиску первоизданной. «То, лёжа в траве среди ромашек, в лазури сны свои ловлю...» (Летний день). Эти строки о любовном сне (ромашка – образ судьбы, благодаря ей, по народному поверью, можно понять любит человек или нет), о той «лазурной стране» грёз, где более сердце не тревожит, не болит – ибо небо подскажет ответы в вешем видении. Но по пробуждению, согласно канонам сна, герой должен всё забыть. Значит, в этом стихотворении лазурь – непрочна, она только ожидание гармонии, но не сама гармония. Напротив, в другом произведении В. Набокова «Бывало, в лазури бегут облака...» цвет становится нерушимой основой жизни героя. Именно в этом качестве все эмоционально-образные стороны лазури раскрываются в полную силу: спокойствие, небесность, возвышенность вымысла, ставшего правдой-действительностью. Сила лазури, как и сила божественной любви (высшей гармонии), непобедима – цвет не поблекнет, несмотря ни на что: «Бывало, в лазури бегут облака, // Находят на солнце, и радостный день // Темнеет мгновенно и гаснет слегка, // И тени сливаются в общую тень. // Так в нашей любви замелькает, бывало, // Пустячного спора мгновенная тень. // Она мимолетно, случайно упала; // За нею прекрасней покажется день...» (Бывало, в лазури бегут облака).

Кровавый. Концепт «кровавый»¹⁸ очень мрачен и болезнен в набоковской синестезии. Это не смерть, но шоковое состояние,

¹⁸ Лукьяненко И.Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 22 с.

переживаемая боль. Символ преданного друга, брошенного на обочину жизни – «бездомную собачку» встречает невзрачная женщина. Встреча двух несчастных божьих созданий оказывается тяжёлым испытанием для лирического героя: «Остались уколы той встречи случайной; // Остались в душе навсегда // Какая-то горечь, какая-то тайна, // Какая-то к миру вражда...» (Окутали город осенние боги). И будто именно кровь становится символом первопричины той вражды, что зародилась в душе героя. Кроме того, через образ крови становится яснее восприятие В. Набоковым своей синестезии. «Солнечно-нежные губки // Слушали песню в крови» – случилось невозможное; губы, которые должны говорить, увяли и умолкли, и могут только слушать, они наивны, невинны, поданы уменьшительно-ласкательно – но они становятся органом слуха, потому что раненая песня не может звучать, она как ультразвук или инфракрасный свет, не воспринимается обычными органами чувств. Это гимн эмпатии, свойственной синестетам и поэтам и В. Набокову лично. И страшное, будоражащее: «Белая ночь родилась в кровавой колыбели... // Город, усыпая, бредил и вздыхал...» (Солнечно-нежные губки) – о петербургском июне, в котором для лирического героя не случилось ничего доброго. Герой этот – сам город, который не проснулся во-

преки жизненным циклом, а захворал, и цвет белой ночи стал не праздничным цветом белого вина, а белыми простынями больницы, в которую страдающий город укутало мило-сердное небо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование предполагает продолжение, ведь в зрелости В. Набоков напишет еще много стихотворений, где данные концепты продолжают своё творческий путь и обретут новые горизонты, оставив при этом свои смысловые ядра практически неизменными [19; 20]. Анализ этих концептов позволит яснее понять те подтексты, которые В. Набоков вкладывает в свои стихотворения разного периода творчества [21]. Без детального анализа как самих цветов, так и последующего структурирования общего эмоционально-образного содержания цветовых символов будет потерян целый пласт набоковской мысли, которая не отделяет цветовосприятие¹⁹ от прочих уровней восприятия поэзии, а наоборот, обращается порой к опыту прошлых веков, углубляя его.

¹⁹ Лукьяненко И.Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова.

Список источников

1. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. Москва: Языки славянских культур, 2004. 208 с. <https://elibrary.ru/suqhvr>
2. Biggam C.P. The Semantics of Colour. A Historical Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 274 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139051491>
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. Москва, 1997. 288 с.
4. Погребная Я.В. Тенденция к синестезии в мире Набокова // «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы...» Лирика В.В. Набокова. Москва: Флинта, 2021. 247 с.
5. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. Москва: Наука, 1984. 174 с.
6. Бразм Г. Психология цвета. Москва: АСТ: Астрель, 2009. 158 с. <https://elibrary.ru/qxybaz>
7. Root N., Asano M., Melero H., Kim Ch.-Y. et al. Do the colors of your letters depend on your language? Language-dependent and universal influences on grapheme-color synesthesia in seven languages // Consciousness and Cognition. 2021. Vol. 95. Art. 103192. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2021.103192>
8. Труфанова И.В. Типы синестезии в повести Б. Пастернака «Детство Люверс» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 15. №. 1. С. 126-137. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-126-137>, <https://elibrary.ru/cpqijm>
9. Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии: сб. ст. по материалам науч. конф. / под ред. Е.Г. Яковлева. Москва: Изд-во МГУ, 1992. 127 с.

10. Комина Э.В. Вербальная синестезия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2006. № 2. С. 83-97. <https://elibrary.ru/jxatdf>
11. Горбачёва И.А., Николаев П.А. Фонэстетические приёмы в «Игровой поэтике» текстов В.В. Набокова // Вестник Волжского университета им. В.И. Татищева. 2020. Т. 2. № 2 (32). С. 66-76. <https://elibrary.ru/iojzjo>
12. Chirila A.S. Direct and indirect colour terms in Vladimir Nabokov's autobiographical prose: an overview // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2019. № 4 (6). С. 20-24. <https://elibrary.ru/esssnw>
13. Глазунова С.И. Цвет и звук как компоненты критических работ Владимира Набокова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 276-279. <https://elibrary.ru/pyjfav>
14. Бакуменко О.Н. Цветовые обозначения в двуязычном мировидении В. Набокова (на материале оригинального и автопереводного текстов романа «Лолита») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Т. 20. Вып. 1. С. 4-19. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.101>, <https://elibrary.ru/vtmsel>
15. Дмитриева К.В. Концепт цвет в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте: на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2012. <https://elibrary.ru/zorpyt>
16. Павлова Л.В., Романова И.В. Поэтика цвета “Cattleyalabiata” в лирике Владимира Набокова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 2. С. 98-108. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-2-98-108>, <https://elibrary.ru/pqqpcm>
17. Труфанова И.В. Сиреневый цвет и его оттенки в лирике В.В. Набокова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 183-189. <https://elibrary.ru/slpdnc>
18. Задорнова В.Я. Синестезия как стилистический приём в прозе В. Набокова и возможности его передачи на другом языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 1. С. 9-18. <https://elibrary.ru/ikdhix>
19. Симоненко М.А. Языковая синестезия = метафора: аксиома или лингвистическая гипотеза? // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 3 (10). С. 76-89. <https://doi.org/10.31249/epl/2022.03.06>, <https://elibrary.ru/vrdylc>
20. Ярошенко П.В. Синестетические словосочетания в параллельном мультязычном корпусе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 91-99. <https://doi.org/10.31857/S160578800027394-9>, <https://elibrary.ru/irhxxr>
21. Моисеенко Л., Моисеенко В. Синестезия как элемент индивидуального стиля Владимира Набокова // STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA. 2013. № 1-2. С. 354-365. <https://doi.org/10.17668/SSS.2013.1-2.354>

References

1. Ivanov V.V. *Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004, 208 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sughvr>
2. Biggam C.P. *The Semantics of Colour. A Historical Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, 274 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139051491>
3. Leont'ev A.A. *Fundamentals of Psycholinguistics*. Moscow, 1997, 288 p. (In Russ.)
4. Pogrebnaya Ya.V. The trend towards synesthesia in Nabokov's world. «Plot' poezii i prizrak prozrachnoi prozy...» *Lirika V.V. Nabokova*. Moscow, Flinta Publ., 2021, 247 p. (In Russ.)
5. Frumkina R.M. *Color, Meaning, Similarity: Aspects of Psycholinguistic Analysis*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 174 p. (In Russ.)
6. Braem G. *Color Psychology*. Moscow, ACT: Astrel' Publ., 2009, 158 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qxybaz>
7. Root N., Asano M., Melero H., Kim Ch.-Y. Do the colors of your letters depend on your language? Language-dependent and universal influences on grapheme-color synesthesia in seven languages. *Consciousness and Cognition*, 2021, vol. 95, art. 103192. (In Russ.) <https://doi.org/10.1016/j.concog.2021.103192>
8. Trufanova I.V. Types of synesthesia in B. Pasternak's story “Childhood Lovers” (“Childhood Eyelets”). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 126-137. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-126-137>, <https://elibrary.ru/cpqumj>

9. Yakovlev E.G. (ed.) Sbotnik statei po materialam nauchnoi konferentsii «Sovremennyi Laokoon. Esteticheskie problemy sinestezii» = *Proceedings of Scientific Conference "Modern Laocoon. Aesthetic Problems of Synesthesia"*. Moscow, Moscow State University Publ., 1992, 127 p. (In Russ.)
10. Komina E.V. Verbal synesthesia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filologiya* = *Moscow University Bulletin. Series 7. Philology*, 2006, no. 2, pp. 83-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jxatdf>
11. Gorbacheva I.A., Nikolaev P.A. Phonesthetic techniques in V.V. Nabokov's "Game Poetics" texts. *Vestnik Volzhskogo universiteta im V.I. Tatishcheva* = *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2020, vol. 2, no. 2 (32), pp. 66-76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oijjzo>
12. Chirila A.S. Direct and indirect colour terms in Vladimir Nabokov's autobiographical prose: an overview. *Vestnik Saratovskoi konservatorii. Voprosy iskusstvovznaniya* = *Bulletin of the Saratov Conservatory. Questions of Art Studies*, 2019, no. 4 (6), pp. 20-24. <https://elibrary.ru/esssnw>
13. Glazunova S.I. Color and sound as components of critical works of Vladimir Nabokov. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2012, no. 1, pp. 276-279. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pyjfav>
14. Bakumenko O.N. Names of colour in V. Nabokov's bilingual worldview (based on the original and self-translated texts of the novel *Lolita*). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* = *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2023, vol. 20, issue 1, pp. 4-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.101>, <https://elibrary.ru/vtmsel>
15. Dmitrieva K.V. *Kontsept tsvet v kognitivno-funktsional'no-stilisticheskom aspekte: na materiale romanov V. Nabokova «Lolita» i A. Fadeeva «Razgrom»*. Cand. Sci. (Philology)... diss. abstr. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2012, 24 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zorpyt>
16. Pavlova L.V., Romanova I.V. The poetics of color "Cattleya Labiate" In the lyrics by Vladimir Nabokov: data from the dictionary of lexical combinations. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* = *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 98-108. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-2-98-108>, <https://elibrary.ru/pqqpcm>
17. Trufanova I.V. Lilac color and his shades in lyric by V.V. Nabokov. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series Humanities*, 2019, no. 9, pp. 183-189. (In Russ.) <https://elibrary.ru/slpdnc>
18. Zadornova V.Ya. Synaesthesia as a stylistic device in V. Nabokov's Russian prose and its rendering into English. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* = *Moscow University Philology Bulletin*, 2020, no. 1, pp. 9-18. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ikdhix>
19. Simonenko M.A. "Verbal synesthesia = metaphor": axiom or linguistic hypothesis? *Etnopsikholingvistika* = *Ethnopsycholinguistics*, 2022, no. 3 (10), pp. 76-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/epl/2022.03.06>, <https://elibrary.ru/vrdylc>
20. Yaroshenko P.V. Synesthetic word combinations in a parallel multilingual corpus. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literaturny i yazyka* = *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2023, vol. 82, no. 4, pp. 91-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S160578800027394-9>, <https://elibrary.ru/irhxxr>
21. Moiseenko L., Moiseenko V. Synesthesia as an element of Vladimir Nabokov's individual style. *STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA*, 2013, no. 1-2, pp. 354-365. (In Russ.) <https://doi.org/10.17668/SSS.2013.1-2.354>

Информация об авторах

ОВЧАРЕНКО Алексей Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-00028544-5812>, Scopus ID: 57193953491, ResearcherID: Z-3696-2019, ovcharenko_ayu@pfur.ru

Information about the authors

Alexey Yu. Ovtcharenko, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian Language and Linguacultural Studies Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-00028544-5812>, Scopus ID: 57193953491, ResearcherID: Z-3696-2019, ovcharenko_ayu@pfur.ru

КОНЬКОВА Стефания Антоновна, соискатель степени кандидата филологических наук, кафедра русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-0563-1818>, vsem@poezii.ru

Для контактов:

Овчаренко Алексей Юрьевич
e-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Поступила в редакцию 04.03.2025
Поступила после рецензирования 30.04.2025
Принята к публикации 29.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Stefania A. Konkova, Cand. Sci. (Philology) Applicant, Russian Language and Intercultural Communication Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-0563-1818>, vsem@poezii.ru

Corresponding author:

Alexey Yu. Ovtcharenko
e-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Received 04.03.2025
Revised 30.04.2025
Accepted 29.05.2025

The authors have read and approved the final manuscript.